

СВЕРСТНИКИ

МАРДЖОРИ КИННАН
РОЛІНГС

Старая добрая... Америка

Марджори Киннан Ролингс

Сверстники

«Азбука»

1938

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ролингс М.

Сверстники / М. Ролингс — «Азбука», 1938 — (Старая добрая... Америка)

ISBN 978-5-389-34433-4

Глухие леса Флориды, 1870-е годы. Болота, сосны, гремучие змеи и медведи. Дожди, которые могут идти неделями, и засухи, способные сжечь все посевы. Здесь, на клочке земли, отвоеванном у дикой природы, который семья Бэкстер называет островом, живет двенадцатилетний Джоди. Его мир – работа от рассвета до заката и редкие вечера, когда уставший отец рассказывает истории у очага... Это книга о взрослении, о суровой правде быта американских фермеров-скваттеров и о настоящей мужской дружбе между отцом и сыном. Но главное – это трогательная история любви двух сверстников: мальчика, которому не хватает брата и товарища, и осиротевшего олененка, которого Джоди выкармливает и растит как самого близкого друга. Здесь нет места лжи, нет хеппи-энда, волшебного спасения в последнюю секунду... Есть только жестокая правда природы: если хочешь жить – убивай. Если любишь – отпускай. И иногда то, что ты любишь больше всего на свете, должно умереть, чтобы ты сам выжил. Именно за эту правдивость и щемящую трогательность произведение высоко оценил Эрнест Хемингуэй, а в 1939 году оно было удостоено Пулитцеровской премии.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34433-4

© Ролингс М., 1938

© Азбука, 1938

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марджори Киннан Ролингс

Сверстники

Marjorie Kinnan Rawlings
THE YEARLING

© В. А. Смирнов (наследники), перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава первая

Дымок тонкой струйкой поднимался из трубы прямо вверх. Голубой у ее глиняно-красного среза, он уплывал в синеву апрельского неба и был уже не голубой, а серый. Джоди смотрел на него, раздумывая. Огонь в очаге угасал. Они только что отполдничали, мать прибирала посуду. Была пятница. Мать подметет в доме метлой из веток ти-ти, а потом примется оттирать пол мочалкой из оберток кукурузных початков. В таком случае она не сразу хватится его, и он успеет добраться до Серебряного Дола.

Он постоял с минуту, держа на плече мотыгу.

Всем бы хороша была росчисть, если б только не эти непрополотые ряды молодых всходов кукурузы. Дикие пчелы обнаружили мелию у калитки. Они жадно зарываются в нежные бледно-лиловые соцветия, словно и нет в зарослях других цветов, словно они забыли о желтом жасмине мартовской поры, о ждущем их в мае цветении магнолии и лавра. Если проследить за стремительным полетом их золотисто-черных тел, подумалось Джоди, то можно найти дерево с дуплом, полное янтарного меда. Зимний запас сиропа из сахарного тростника подошел к концу, и от ягодных варений тоже почти ничего не осталось. Найти дерево с дуплом куда достойнее, чем тяпать мотыгой; ничего с ней не сделается, с кукурузой, может и подождать денек.

Полдень полон какого-то кропотливого копошенья. Это ощущение точит его, как пчела цветок: прочь отсюда, сначала через росчисть, потом сосняком, а там вниз по дороге к бегучему ручью. Пчелиное дерево должно быть где-то возле воды.

Джоди приткнул к изгороди мотыгу, прошел по кукурузному полю, и вот уж его не видно из дому. Он на руках перемахнул через изгородь. Джулии, старой охотничьей собаки, нет дома; отец увез ее с собой в Грейамсвилл, но бульдог Рвун и их новая дворняжка Резвуха заметили взметнувшуюся над изгородью тень и кинулись к ней. Рвун взлаял низким басом, голос Резвухи был пронзителен и высок. Узнав мальчика, собаки заискивающе завили короткими хвостами. Он прогнал их обратно. Они равнодушно смотрели ему вслед. Жалкие, никчемные твари, подумалось Джоди, все бы им гонять, хватать, убивать. Он их не интересовал, разве когда приносил им плошки с объедками по утрам и вечерам. Старая Джулия, та могла быть ласковой с людьми, но свою уже беззубую преданность дарила одному только его отцу, Пенни Бэкстеру. Джоди пробовал подольститься к ней, но она решительно не хотела иметь с ним дела.

– Вы оба были еще щенками, – объяснял отец, – десять лет назад это было, тебе два года, а она совсем еще крошка. Ты примял ее, не нарочно, конечно. И вот теперь она не может довериться тебе. С собаками это часто бывает.

Джоди обогнул сарай и кукурузный амбар и пошел через дубняк на юг. Ему бы такую собаку, как у бабушки Хутто. Она такая беленькая, кудрявенькая и умеет делать разные штуки. Когда бабушка Хутто начинает смеяться так, что вся трясется и не может остановиться, собака прыгает ей на колени, лижет ее в лицо и машет своим перистым хвостом, словно смеется с нею вместе. Он бы обрадовался любому зверьку, лишь бы тот был его собственный, лизал бы его в лицо и повсюду ходил за ним, как старая Джулия за отцом.

Джоди выбрался на песчаную дорогу и припустил бегом на восток. До Дола было две мили, но ему казалось, что он может бежать вечно. В его ногах не было боли, как на прополке кукурузы. Он замедлил бег – пусть подольше продлится дорога. Вот он миновал высокий сосновый лес и оставил его позади. Здесь скраб вплотную подступал к дороге, и она шла, с обеих сторон теснимая частоколом песчаных сосен, таких тонких, что каждая из них, казалось, могла служить лучиной для растопки.

Тут был подъем, и на его вершине Джоди остановился. Апрельское небо, окаймленное ржавым песком и соснами, было синее, как его рубаха из домотканой холстины, окрашенной

индиго бабушки Хутто. Маленькие облачка на нем стояли неподвижно, белые, словно хлопковые коробочки. Он смотрел и смотрел, как вдруг солнечный свет пригас на мгновение, облака посерели.

«Еще до вечера брызнет дождичек», – подумал он.

Вниз под горку манило бежать вприпрыжку. А вот и дорога на Серебряный Дол, толсто подостланная песком. Беярия, пиерис и искрянка уже стояли в цвету. Джоди замедлил шаг, – он проследит перемены в мире растений на каждом дереве, на каждом кусте, знакомом и неповторимом. Вот магнолия, на которой он вырезал морду дикой кошки. Вся растительность говорила о том, что где-то близко – вода. Странное дело, думалось ему, что поджарые сосны всегда растут в зарослях, тогда как при всяком ручье, при всяком озере или реке растут магнолии: ведь земля есть везде земля, а дождь – везде дождь. Собаки, например, повсюду одинаковы, и волы, и мулы, и лошади тоже. А вот деревья разные в разных местах.

«Наверное, это оттого, что они не могут сойти с места», – решил он. Им приходится питаться тем, что лежит в земле под ними.

Восточная кромка дороги отлого шла вниз и там, футах в двадцати у него под ногами, спускалась к ручью. Крутогор этот густо порос магнолиями, гордониями, камедными деревьями и сероствольным ясенем. В их прохладной тени Джоди сошел к ручью. Им овладела острая радость. Это было потайное, восхитительное местечко.

Прозрачный, как колодезная вода, родник бил из песка неведомо откуда. Казалось, берега, словно две зеленых облиственелых руки, сложились горстью и держат его. Там, где вода поднималась на поверхность, бурлил небольшой водоворот. В нем кружились крупинки песка. Чуть повыше над берегом бил из земли основной родник: он проточил себе русло в белом известняке и стремительно бежал вниз по склону, разрастаясь в ручей. Ручей вливался в озеро Джордж, а озеро Джордж было частью реки Сент-Джонс – крупной реки, которая текла на север и впадала в море. Это было волнующее зрелище – наблюдать начало океана. Конечно, существовали и другие начала, но это было его собственное. Приятно думать, что никто, кроме тебя, не бывает здесь. Только ты, дикие звери да томимые жаждой пчелы.

Пробежка разгорячила Джоди. Сумрачный дол словно прикоснулся к нему своими прохладными руками. Он подвернул свои синие бумажные штаны и стал голыми грязными ступнями в мелкую воду родника. Пальцы ног тотчас ушли в песок, тот мягко просочился между ними и обволок его костлявые лодыжки. Вода была до того холодная, что в первое мгновение обожгла кожу. Потом с булькающим звуком быстро потекла между его тонкими ногами, и это было страшно приятно. Он стал ходить по воде взад и вперед, подковыривая большим пальцем гладкие камни, попадавшие ему на глаза. Стайка гольянов прыснула от него вниз по ручью, и он погнался за ней по мелководью, но они скрылись из виду так внезапно, словно их и не было вовсе. Тогда он присел под голым, нависающим над водой корневищем живого дуба; ручей образовал тут глубокий прудок, и Джоди надеялся, что гольяны появятся вновь, но лишь зеленая лягушка, дергаясь, всплыла из-под слоя грязи, вытаращилась на него и в паническом страхе нырнула под корневище. Джоди рассмеялся.

– Не бойсь, не трону! – крикнул он ей. – Я не енот!

Легкий ветерок всколыхнул сомкнутый шатер веток над его головой. В просветы между ветками на его голову, плечи брызнул солнечный свет. Это было приятное ощущение: голове тепло, а загрубым, мозолистым ступням студено.

Ветерок спал, солнце снова закрылось. Джоди перебрался на противоположный берег: растительность там была не такая густая. Низенькая карликовая пальма тихонько тронула его на ходу. Это напомнило ему о том, что его нож тут, у него в кармане; что не далее как на Рождество он мечтал о том, чтобы смастерить себе мельницу-махалку.

Джоди еще ни разу не случалось сооружать мельницу-махалку самому. Оливер, сын бабушки Хутто, моряк, всегда делал их для него, когда приезжал домой на побывку. Джоди

сосредоточенно нахмурился, вспоминая, под каким углом должны располагаться крылья махалки, чтобы она вращалась равномерно. Он срезал две ветки с развилкой и выстругал из них рогульки одинаковой величины. Оливер особенно заботился о том, чтобы поперечина была круглой и гладкой, вспомнилось Джоди. Примерно вполвысоты берегового ската росла дикая вишня. Он поднялся к ней, срезал веточку, ровную и гладкую, как полированный карандаш, затем выбрал пальмовую ветку и вырезал из ее твердой волокнистой древесины две дощечки в дюйм шириной и четыре длиной. В каждой из них, ровно посередине, он прорезал щель, чтобы как раз проходила вишневая палочка. Пальмовые дощечки должны располагаться под тем же углом, что крылья ветряной мельницы. Он старательно примастачил их.

Джоди расставил рогульки примерно на длину вишневой палочки и глубоко вогнал их в песок, отступя несколько ярдов от родника. Поток тут был всего в несколько дюймов глубиной, но бежал быстро и напористо. Пальмовые лопасти должны были только чуть-чуть касаться воды. Он помудровал с рогулками, устанавливая их на нужную глубину, потом положил на них вишневую палочку. Она осталась неподвижной. Весь напрягшись от ожидания, Джоди повертел ее, помогая ей притереться в развилках рогулек. Она начала вращаться. Течение увлекало за собой гибкий кончик пальмовой пластинки, а когда он поднимался и высвобождался, силой вращения оси приходил в соприкосновение с потоком кончик другой. Маленькие лопасти поднимались и опускались, поднимались и опускались. Колесо вертелось. Мельница-махалка работала. Она вращалась с ритмичной легкостью колеса большой водяной мельницы в Линне, которая перетирала в муку кукурузные зерна.

Джоди глубоко вздохнул, улегся на поросший травой песок у края воды и весь отдался волшебству движения. Вверх и вниз, вверх и вниз – мельница-махалка завораживала. Бурля пузырями, родник будет вечно бить из земли, тоненькая струйка воды будет бежать бесконечно. Родник дает начало водам, стекающим в океан. Если только пальмовые лопасти не свалятся или перекушенная белкой веточка лавра, упав, не остановит хрупкое колесо, его мельница будет крутиться вечно. И когда ему будет много-много лет – столько же, сколько отцу, – кажется, и тогда ничто не остановит это зыбкое движение, и оно будет продолжаться так, как он породил его.

Джоди подвинул камень, упиравшийся в его острые ребра, и поерзал на месте, вдавливая в песок лунки для бедер и плеч. Он вытянул руку, примостил на нее голову. Сноп солнечных лучей, теплый и невесомый, как легкое лоскутное одеяло, падал на него поперек. Разнеженный, утопая в песке и солнечном свете, он наблюдал за мельницей. Вращение колеса действовало усыпляюще. Его веки трепетали в лад маханию пальмовых лопастей. Серебряные капли, стекавшие с колеса, сливались в одно целое наподобие хвоста падающей звезды. Вода издавала такой звук, будто котенок лакал молоко. Вот квакша прокричала протяжно и смолкла. На какое-то мгновение мальчик виснет неподвижно над краем кручи, устланной мягким пухом щетки-травы, и квакша в звездном плеске мельницы-махалки виснет с ним вместе. Но вместо того чтобы упасть через край, он погружается в эту мякоть. Синее, в белых хлопьях облаков небо смыкается над ним. Он заснул.

Когда Джоди проснулся, ему показалось, что он не у русла ручья, а в каком-то совсем другом месте. Мир вокруг стал совсем иным, и поначалу ему подумалось, что он видит все это во сне. Солнце исчезло, и с ним вместе исчезли свет и тень. Нет больше ни чернотволия живых дубов, ни глянцевиной зелени магнолий, ни золотистого кружевного узора там, где солнечный свет сеялся между ветками дикой вишни. Весь мир стал призрачно-серым, а сам он лежал в тончайшей, как водяная пыль водопада, дымке. Она щекотала кожу и была чуточку влажная, теплая и одновременно прохладная. Он перевернулся на спину, и было так, будто он смотрит в мягкую серую грудь печально воркующей голубки.

Джоди лежал, вбирая в себя изморось, словно молодое растение. Когда лицо стало мокрым, а рубашка волглой на ощупь, он выбрался из своего убежища. И вдруг замер на месте.

Пока он спал, к роднику приходил олень. Свежие следы сбежали по восточному склону и останавливались у края воды. Резкие, заостренные – следы оленихи. Они были глубоко вдавлены в песок – это говорило о том, что олениха была взрослая, крупная. Быть может, даже стельная. Она спустилась к воде и жадно пила, не замечая его. Но потом учуяла. Там, где она в страхе заметалась на месте, песок хранил печать смятения и борьбы. Следы, взбегавшие вверх по противоположному склону, были с долгим тревожным прочерком позади. Быть может, она вовсе не успела напиться, а, учуяв его, повернула и стремительно бросилась прочь, взметая копытами песок. Жаль, если она до сих пор сидит где-то в зарослях, томимая жаждой, с широко раскрытыми глазами.

Он огляделся, отыскивая другие следы. Вверх и вниз по склону пробегали белки, но они вообще были не из пугливых. И енот тоже наведывался сюда, лапы у него словно руки с острыми когтями, но только Джоди не мог с уверенностью сказать, как давно он тут был. Лишь отец, взглянув на след, мог безошибочно определить время, когда прошло дикое животное. А вот что олениха была тут и испугалась – это Джоди знал точно.

Он снова повернулся к своей мельнице. Колесо вращалось уверенно, словно она стояла тут уже не первый день. Хрупкие пальмовые лопасти выказывали недюжинную силу, шлепая по воде, и блестели от измороси.

Джоди взглянул на небо. В окружающей его серой мгле он не мог сказать ни который час, ни как долго он спал. Он вприпрыжку взбежал на западную сторону, где привольно расстилались открытые равнины, поросшие голым падубом, и остановился, раздумывая, уйти ему или остаться. Как раз в этот момент дождь перестал так же мягко, как и начался. С юго-запада потянул ветерок. Выглянуло солнце. Облака собрались в накатывающие волнами белые перистые гряды, а на востоке через весь небосклон выгнулась радуга, такая красивая и цветастая, что Джоди казалось, погляди он еще немного, и у него займется дыхание. Бледно-зеленая лежала земля, почти видим был воздух, золотистый от омытого дождем солнца, и мерцали глазурию дождевых капель деревья, кусты и травы.

Родник радости забил в нем неудержимо, как родник ручья. Он широко раскинул руки вровень с плечами, как держит крылья змеешейка, и закружился на месте. Он кружился все быстрее и быстрее, вихрь блаженства подхватил его, и когда ему показалось, что его сердце больше не выдержит и разорвется от счастья, у него закружилась голова, он закрыл глаза и пал ничком на поросшую щеткой-травой землю. Земля кружилась под ним, и он с нею вместе. Он открыл глаза: синее апрельское небо в хлопковых коробочках облаков кружилось над ним. Они вращались все вместе, мальчик и земля, деревья и небо. Но вот вращение прекратилось, в голове у него прояснело, и он поднялся. Джоди еще нетвердо стоял на ногах и чувствовал легкое головокружение, но что-то спало с его души, и апрельский день вновь стал как любой другой день – обычный, когда жизнь может идти дальше своим чередом.

Он повернулся и вприпрыжку побежал обратно, полной грудью вдыхая аромат влажных сосен. Рыхлый песок, в котором по пути сюда увязали ноги, от дождя отвердел. Возвращаться домой было приятно. Солнце вот-вот готово было скатиться за горизонт, когда завиднелись болотные сосны, окружавшие росчисть Бэкстеров. Высокими черными силуэтами они вырисовывались на багряно-золотом закатном небе. Слышно было, как квохчут и возятся куры, и по их голосам он понял, что их только что накормили. Он свернул на росчисть. Серая от непогод изгородь сияла в щедром свете весны. Из глинобитной трубы густыми клубами валил дым. На очаге, должно быть, стоит готовый ужин, в железной форме печется хлеб. Вот бы хорошо, если его отец еще не вернулся из Грейамсвилла. Джоди впервые пришло в голову, что, наверное, ему не следовало отлучаться из дому в отсутствие отца. Если вдруг матери понадобились дрова, она теперь здорово сердита. Да и отец неодобрительно покачает головой и скажет: «Что же это, сын...»

Он услышал фыркание старого Цезаря и понял, что отец опередил его.

Росчисть была полна веселого гама. Ржала у ворот лошадь, в хлеву мычал теленок, и ему отвечала корова, с кудахтаньем рылись в навозе куры, и лаяли собаки в предвкушении вечерней кормежки. Хорошо, когда голоден и знаешь, что тебя накормят, и таким же нетерпеливым, но уверенным ожиданием полна вся домашняя живность. Конец зимы был голодноват: подобрались запасы кукурузы, сена и сушеного коровьего гороха. Но теперь апрель, теперь пажити зелены и сочны, и даже куры охотно щиплют молодые побеги травы.

Собаки разорили под вечер нору с крольчатами, и после такого лакомства обеды с домашнего стола их не прельщают. Старая Джулия лежит под повозкой, утомленная дальней дорогой. Джоди толкнул калитку в палисад и пошел искать отца.

Пенни Бэкстер сидел на корточках возле поленницы. Он даже не успел снять с себя сюртук от черного суконного костюма, который был сшит еще к свадьбе, а теперь надевался лишь затем, чтобы подчеркнуть его непростое происхождение, когда он отправлялся в церковь или за покупками в город. Рукава сюртука были коротки, и не потому, что Пенни вырос, а потому, что, из года в год напиваясь летней влагой, утюженная и переутюженная ткань села. Джоди увидел руки отца, слишком большие для его тела, охватившие охапку дров. Отец исполнял его работу, и притом в своей лучшей одежде. Джоди подбежал к нему:

– Дай я понесу, па.

Этой готовностью он надеялся искупить свой проступок. Отец распрямился.

– А я уж совсем было отчаялся в тебе, сын, – сказал он.

– Я ходил в Дол.

– Что же, денек выдался на славу, как раз прогуляться в Дол, – сказал Пенни. – Да и куда угодно. Как это тебя занесло в такую даль?

Он силился вспомнить, что заставило его улизнуть, и не мог, словно все это было год назад. Он мысленно восстановил случившееся вплоть до того момента, когда снял с плеча мотыгу.

– А! – Теперь все было ясно. – Я хотел проследить за пчелами, найти пчелиное дерево.

– Ты нашел его?

Джоди оторопело уставился в пространство.

– Чтоб мне пусто было, я только сейчас вспомнил об этом!

Он был обескуражен, как собака для охоты по птице, застигнутая за гоньбой полевой мыши. Сконфуженно-оробело глядел он на отца. А в бледно-голубых глазах того светился лукавый огонек.

– Скажи правду, Джоди, и посрами дьявола, – продолжал отец. – Дупляное дерево было отличным предлогом пошляться без дела, так ведь?

Джоди широко ухмыльнулся.

– Мне припала охота еще до того, как я подумал о дереве, – признался он.

– Так я и думал. Откуда мне было знать? А вот откуда. Еду я себе в Грейамсвилл и так про себя рассуждаю: «Вот Джоди – мотыгой-то махать ненадолго его хватит. Что бы я сделал в такой славный весенний денек, будь я мальчишкой? Ну, ясно что: пошел бы пошлялся. Куда угодно, только бы бродить, смотреть».

Мальчика охватило теплом, и тепло это исходило не от золотого закатного солнца.

– Правда, как раз так я и думал, – сказал он.

– Но вот мать, – Пенни качнул головой в сторону дома, – этого не одобряет. Женщины, они всегда так, они просто не понимают, как это мы, мужчины, так любим бродяжить. Вот я и не выдал, что тебя нет. Она спрашивает: «Где Джоди?», а я ей: «Здесь, поди, где-нибудь».

Он подмигивает Джоди, и тот подмигивает в ответ.

– Нашему брату, мужчинам, надо держаться вместе, чтобы был мир. Ну, иди отнеси матери дровец, да побольше.

Джоди набрал полную охапку и поспешил к дому. Мать сидела на корточках перед очагом. Когда в нос ему ударил пряный запах еды, у него ноги подкосились от голода.

– Это лепешка из сладкого картофеля, да, ма?

– Да, это лепешка из сладкого картофеля, только вы, голубчики, давайте-ка поторапливайтесь, хватит вам баклуши бить да по городам разъезжать. Ужин готов.

Джоди свалил дрова в ящик и побежал на скотный двор. Отец доил Трикси.

– Мать велела все кончать и идти ужинать, – доложил Джоди. – Может, я накормлю Цезаря?

– Я уже накормил его, сын, дал бедолажке все, что положено. – Пенни встал с трехногий скамейки для дойки. – Отнеси молоко, только смотри не споткнись и не выплесни все на землю, как вчера... Тише, Трикси...

Он оставил корову и прошел в хлев к теленку.

– Сюда, Трикси. Ну-ну, голубушка...

Корова замычала и подошла к теленку.

– Тише ты! Вот жадный, совсем как Джоди.

Он погладил корову и теленка и вслед за мальчиком прошел в дом. Они по очереди умылись у лотка и вытерлись полотенцем, висевшим на ролике снаружи кухонной двери. Матушка Бэкстер сидела за столом, раскладывала по тарелкам еду. Ее грузная фигура целиком заполняла конец длинного узкого стола. Джоди и отец сели справа и слева от нее. Им казалось совершенно естественным, что она должна сидеть во главе стола.

– Ну что, проголодались сегодня? – спросила она.

– В меня влезет бочка мяса и бушель хлеба, – сказал Джоди.

– Это ты только говоришь так. Глаза-то у тебя больше желудка.

– Я бы тоже так сказал, – вставил Пенни, – не будь я умнее. Я, когда езжу в Грейамсвилл, всегда возвращаюсь страшно голодный.

– Это оттого, что ты пропускаешь там добрый глоток самогону, – заметила она.

– Нынче всего-то ничего. Выставлял Джим Тэрнбакл.

– А! Ну тогда ты никак не мог перебрать.

Джоди ничего не слышал, ничего не видел, кроме своей тарелки. Никогда еще он не был так голоден, и вот теперь, после тощей зимы и затяжной весны, когда им самим-то жилось едва ли сытнее, чем их скоту, матушка Бэкстер приготовила ужин впору хоть для священника. На стол была подана свежая зелень лаконоса, приправленная кусочками сала; сэндбагеры из картофеля с луком и мяса черепахи, которую он поймал вчера; померанцевые преснушки, и еще возле локтя матери лежала лепешка из сладкого картофеля. Он разрывался между желанием взять еще преснушек и еще сэндбагер и родившимся из мучительного опыта знанием, что, если он съест все это, у него не останется места для лепешки. Выбор был прост.

– Ма, – сказал он, – можно я возьму свою долю лепешки прямо сейчас?

Мать на мгновение перестала питать свое большое тело, ловко отрезала ему щедрый кусок, и он ушел в его вкусную пряную благодать.

– Я столько времени готовила эту лепешку, – жалобно сказала она, – а ты на вот – и оглянуться не успела, как извел ее...

– Это верно, я ем ее быстро, – согласился он, – но потом буду долго ее помнить.

Ужин подошел к концу. Джоди насытился. Даже отец, который обычно ел мало, как воробей, попросил добавки.

– Слава богу, я сыт, – сказал он.

Матушка Бэкстер вздохнула.

– Ежели бы кто зажег мне свечку, – сказала она, – я бы разделалась с посудой и, быть может, у меня б еще осталось время присесть отдохнуть.

Джоди встал из-за стола и зажег сальную свечу. Когда затрепетал, разгораясь, желтый язычок пламени, он выглянул в восточное окно. Взошла полная луна.

– Жалко тратить свет, когда полная луна, так ведь? – сказал отец.

Он подошел к окну, и они стали смотреть вместе.

– О чем она тебе напоминает, сын? Ты помнишь, о чем мы говорили? Что мы собирались сделать в полнолуние в апреле?

– Не помню.

Непонятно как, времена года всегда заставляли его врасплох. Наверное, надо быть взрослым, как отец, чтобы держать их в уме, помнить лунные месяцы от конца до конца года.

– Неужто ты забыл, Джоди, о чем я тебе толковал? Так вот, мальчуган, в апрельское полнолуние медведи сходят со своих зимних лежек.

– Старый Топтыга! Ты говорил, мы подкараулим его, когда он выйдет!

– Верно.

– Ты говорил, в апреле мы пойдем на то место, где видели его следы, как они идут туда и обратно, вдоль и поперек, и, наверное, найдем там его лежку и его самого.

– Жирного. Жирного и вялого. И мясо у него такое сладкое после спячки.

– А его самого, может, легче поймать, пока он еще не проснулся как следует.

– Верно.

– А когда мы пойдем, па?

– Как только кончим мотыжить. И увидим медвежьи приметы.

– А откуда мы начнем охоту?

– Лучше всего побродить, посмотреть в Доле у родников, вышел ли он и приходил ли туда на водопой.

– Сегодня туда навевалась большая олениха, – сказал Джоди. – Это когда я спал. Я построил себе игрушечную водяную мельницу, па. Она здорово вертится.

Матушка Бэкстер перестала гроыхать посудой.

– Ах, негодник, – сказала она. – А мне-то и невдогад, что тебя дома не было. Тебя теперь, как склизкую глину, в руках не удержишь.

Джоди громко расхохотался.

– Я надул тебя, ма. Ну согласишься, ма, что я должен был надуть тебя хоть разок.

– Ты надул меня. А я-то стояла у очага, делала эту лепешку.

По ее голосу слышно было, что она вовсе не рассердилась.

– Ну, а если бы я был какой-нибудь ползучей тварью и ел бы одни корни да траву? – дразнил он ее.

– Тогда мне не на кого было бы сердать.

Ее губы невольно складывались в улыбку. Она силилась сдержать ее и не могла.

– Ма смеется! Смеется! Ты вовсе не серчаешь, когда смеешься!

Он стремительно подлетел к ней и развязал тесемки фартука. Фартук соскользнул на пол. Она быстро повернулась всем своим полным телом и осыпала его градом пощечин, но пощечины были игривые, легкие, как перышко. А на него нашло то же упоение, что и днем, и он завертелся на месте, все быстрее и быстрее, как там, среди щетки-травы.

– Вот смахнешь со стола тарелки, тогда увидишь, кто сердит, а кто не сердит, – сказала мать.

– Я просто не могу. У меня голова кружится.

– Ты одержимый, – сказала она. – Просто-напросто одержимый.

Это была правда. Он был одержим апрелем, оглушен весной. Он был пьян, как Лем Форрестер в субботнюю ночь. У него кружилась голова от крепкого напитка из солнца, внешнего воздуха и мелкого серого дождика. Его пьянили игрушечная мельница, и приход оленихи, и что отец умолчал о его отлучке, а мать испекла для него лепешку и смеялась над ним. Его

обжигал свет свечи в безопасном уюте дома, лунный свет снаружи. А воображению его мерещился старый Топтыга, черный медведь-изгой без пальца на лапе; он вставал на дыбы на своей зимней лежке, пробовал на вкус теплый влажный воздух и тянул ноздрями лунный свет, совсем как он, Джоди, смакуя их. В кровать он улегся как в лихорадке и заснул не сразу. Этот день наложил на него печать своего очарования, и отныне всю его жизнь, когда в бледно-зеленый апрель он ощутит на языке вкус дождя, старая рана будет давать себя знать и его будет брать смутная тоска о чем-то давно позабытом, что он никак не сможет припомнить.

Сквозь ясную ночь пронесся крик козодоя, и он мгновенно уснул.

Глава вторая

Пенни Бэкстер лежал без сна рядом с крупным телом спящей жены. Ему никогда не спалось в полнолуние, и он часто спрашивал себя, уж не предназначен ли этот яркий свет для того, чтобы люди шли в поле работать. Он бы охотно выскользнул из кровати и, быть может, срубил дуб на дрова или закончил мотыженье, которое бросил Джоди.

«Пожалуй, стоило бы пробрать его за это порядком», – подумалось ему.

Его бы, когда он был в возрасте Джоди, здорово отлупцевали за отлучку и ничегонеделанье. Отец не дал бы ему ужина и велел отправиться обратно к ключу, вырвать мельницу из земли.

«Но в том-то и дело, – думалось ему, – что мальчишке недолго быть мальчишкой».

Оглядываясь назад, в прошлое, он видел, что у него не было детства. Отец его был проповедник, суровый, как Бог Ветхого Завета. Однако хлеб насущный ему давало не Слово Божие, а небольшая ферма под Волюзией, позволявшая ему кормить многочисленную семью. Он учил своих детей грамоте, читал с ними Библию, но всем им, как только они подрастали и набирались достаточно сил, чтобы ковылять за ним по свежевзрытым бороздам с мешком кукурузных семян, приходилось трудиться до ломоты в костях, до судорог в еще не окрепших пальцах. Еды было мало, а глистов много. Уже вполне взрослый, Пенни был совсем мальчик фигурой. Ноги его были малы, плечи узки, костяк хрупок. Случилось как-то раз, он стоял среди Форрестеров – тонкий молодой ясень среди гигантских дубов, – и Лем Форрестер, посмотрев на него сверху вниз, сказал:

– Ну что, пенни-денежка? Пенни – добрая денга, слов нет, вот только меньше-то просто не бывает. Так-то вот, Пенни Бэкстер...

С тех пор эта кличка – Пенни – так за ним и осталась, иначе его и не называли. Когда случалось голосовать, он подписывался: «Эзра Изикиэл Бэкстер», но в налоговый список его вносили под именем Пенни Бэкстер, и он не возражал.

Однако он был крепкого склада, крепкий, как сама медь, из которой делалась монета, ставшая его прозвищем, и в то же время было в нем что-то и от мягкости меди. Он был честен до крайности, чем нередко вводил в соблазн лавочников, мельников и торговцев лошадьми. Бойлс, лавочник в Волюзии, не менее честный, чем он, как-то дал ему лишний доллар сдачи. У Пенни хромала лошадь, и он пешком проделал долгие мили обратного пути, чтобы вернуть его.

– Понадобилось бы снова за покупками, тогда бы и отдал, – сказал Бойлс.

– Знаю, – ответил Пенни. – Но этот доллар не мой, и, случись умереть, я бы не хотел, чтобы он висел у меня на душе. Я не хочу чужого ни на том, ни на этом свете.

Эти слова, возможно, объяснили бы тем, для кого он был загадкой, почему он переселился в скраб. Люди, жившие по берегам глубокой, спокойной реки, кишевшей всевозможными плавучими средствами: долбленками и баржами, лесосплавными плотами, грузовыми и пассажирскими судами, в иных местах чуть ли не от берега до берега занимаемой колесными пароходами, – люди эти говорили, что надо быть таким смельчаком или сумасшедшим, как Пенни Бэкстер, чтобы бросить жизнь, какой все люди живут, и забраться с невестой в глушь, в дикие флоридские заросли, населенные медведями, волками и пантерами. Вот Форрестеры – понятное дело, они уехали потому, что у них большая, разросшаяся семья, все взрослые, сильные, драчливые мужчины, им бы где попросторнее, повольготнее и чтоб никто не мешал. Ну, а Пенни Бэкстер – кто ему помешает?

Не то чтобы ему мешали, нет. Просто в городах и деревнях, в фермерских краях, где от соседа до соседа рукой подать, мысли, дела и собственность людей переплетаются слишком тесно. Там нельзя быть свободным от посягательств на твою душу. Правда, в лихую годину

там можно найти и дружеское участие, и взаимную поддержку, но вообще-то люди живут в постоянных стычках, в настороженности и подозрительности друг к другу. Когда, воспитанный отцом и духе суровой праведности, он вышел в мир, мир этот оказался менее правдивым, менее честным в своей грубой наготе, а значит, и более бередящим душу.

Возможно, его слишком часто ранили. Покой безбрежных, чуждых людской суете зарослей привлек его своей благодатной тишиной. Была в нем какая-то нежная, чувствительная струна, и прикосновение к ней людей причиняло боль, а прикосновение сосен исцеляло.

Добывать кусок хлеба тут было труднее, покупать все необходимое и сбывать урожай, за дальностью расстояний, – хлопотно. Зато росчисть была его собственная, и только его. Дикие звери оказались куда менее хищными, чем люди, которых он знал. Медведь и волк, дикая кошка и пантера – чего он никак не мог сказать о людской жестокости.

Ему пошел уже четвертый десяток, когда он женился на цветущей девушке, которая была вдвое крупнее его, погрузил ее вместе с кое-каким домашним скарбом в запряженную волами повозку и по тряской дороге приехал сюда, в глубину зарослей, где своими руками поставил дом. Землю он выбрал удачно, насколько это вообще было возможно на здешних угрюмых пространствах, занятых худосочной песчаной сосной. У Форрестеров, живших за четыре мили отсюда, он купил хороший возвышенный участок посреди соснового островка. Островок этот, расположенный в засушливой местности, вполне заслуживал такое название, потому что в буквальном смысле слова был островом, приподнятым над уровнем окружающей земли и поросшим болотной сосной, – урочищем в волнистом море скраба. На севере и западе лежали вразброс другие такие же острова – клочки буйной зелени, вызванной к жизни какими-то случайными колебаниями состава почвы и увлажненности, – и попадались даже хэммоки – оазисы субтропического леса, самой пышной зелени Флориды. Кроме болотной сосны, в этих местах встречался живой дуб, красный лавр и магнолия, дикая вишня и ликвидамбр, ореховое дерево гикори и падуб.

Единственным недостатком этого места была скудость воды. Ее уровень лежал здесь так глубоко, что постройка колодца была бы неслыханной роскошью. А потому вплоть до того времени, пока не подешевеют кирпич и известка, воду обитатели Острова Бэкстеров вынуждены были брать из большого провала на западной окраине своего стоакрового участка. Такие провалы встречаются во Флориде везде, где местность сложена белыми известняками. Под землей здесь текут реки, и бьющие из земли ключи, которые тут же растекаются речкой или ручейком, означают, что река вышла на поверхность. Иногда тонкий верхний слой почвы проваливается, обнажая пустоту, в которой – впрочем, не всегда – бежит поток. Но вот беда – родника в провале на участке Пенни Бэкстера не хватало на ручей. Лишь чистая, процеженная вода день и ночь сочилась из его крутых откосов и собиралась прудком на дне. Форрестеры хотели сбыть Пенни Бэкстеру худую землю в самом скрабе, но у Пенни был сильный козырь – чистоган, и он хотел только «островок».

– В скрабе можно отлично выращивать диких уток и всяких других зверей: лисиц и оленей, оцелотов и гремучек. Но мне не вырастить в чащобе детей.

Форрестеры захлопали себя по ляжкам и буйно захохотали, тряся бородами.

– А сколько в пенни полпенни? – проревел Лем. – Сгодишься отцом лисенку, вот и молодец!

У Пенни и посейчас, много лет спустя, звучит в ушах его смех. Он осторожно перевернулся, стараясь не разбудить жену.

Он и вправду лелеял дерзновенную мечту о сыновьях и дочерях, продолжателях рода, которые во множестве будут бродить здесь под болотными соснами. И обзавелся семьей. Ора Бэкстер была просто создана для того, чтобы рожать детей, но, казалось, семя его было такое же худосочное, как он сам.

Дети их рождались хилыми и почти так же быстро чахли и умирали, как и появлялись на свет. Он хоронил их одного за другим на расчищенном месте среди мерлендских дубов, – там, на тощей рыхлой земле, легче было копать. Кладбище разрасталось, и ему пришлось обнести его оградой от разбойничьих набегов вепрей и хорьков. Он вырезал из дерева маленькие деревянные надгробия для всех. Они стояли сейчас у него перед глазами, белые и прямые в свете луны. На некоторых были имена: Эзра Дж., Маленькая Ора, Уильям Т. Другие имели лишь надписи вроде: «Урожденная Бэкстер, умерла 3 мес. 6 дней от роду». На одном Пенни старательно выцарапал складным ножом: «Она так и не увидела света дня». Мысленно погружаясь в толщу прошлого, он перебирал года, как идущий человек касается столбов изгороди.

В цепи рождений обозначился провал. А потом, когда пустота дома уже начала страшить его, а жена почти уже прошла тот возраст, когда можно родить, на свет появился Джоди Бэкстер – и выжил. Когда он был двухлетком и еще только начинал ходить, отец ушел на войну. Жену с ребенком он отправил к своей доброй подруге матушке Хутто, – он думал, что пробудет в отлучке лишь несколько месяцев. Вернулся он через четыре года; время наложило на него свою печать. Он забрал жену и ребенка и увез их обратно в заросли, ничего так не желая, как их покоя и уединения.

Мать относилась к своему младшему с некоторой отчужденностью, словно всю свою любовь, заботу и ласку она отдала тем, другим. Зато Пенни души в нем не чаял и был для него не просто отцом, а чем-то гораздо большим. Он видел, что на чудесную загадку природы – птиц и зверей, цветы и деревья, ветер и дождь, солнце и луну – сын смотрит широко раскрытыми глазами, затаив дыхание, как всегда смотрел он сам. И если теплым апрельским днем мальчик убежал по своим мальчишеским делам, он, Пенни, понимал, как это могло случиться. И понимал также, что со временем все пройдет.

Жена пошевелилась и что-то пробормотала во сне.

Во всех таких случаях он надежно прикроет сына от резкости матери, он знал это.

Козодой перелетел дальше в лес, и оттуда вновь донесся его жалобный крик, удивительно мелодичный на расстоянии. Луна, светившая прямо в спальню, ушла за раму окна.

«Пусть себе побегает, порезвится, – думал Пенни. – Пусть строит свои игрушечные мельницы. Придет день, и он даже не вспомнит про них».

Глава третья

Джоди с неохотой разомкнул веки. Когда-нибудь, подумал он, убегу в лес и буду спать с пятницы до понедельника. В восточное окно его маленькой спальни гляделся день. Мальчик не мог бы сказать наверняка, что разбудило его: этот бледный свет или возня кур среди персиковых деревьев. Слышно было, как они одна за другой слетают со своих насестов на ветках. Небо разгоралось оранжевыми полосами. Все еще черные на его фоне, стояли за рощистью сосны. Теперь, в апреле, солнце всходило раньше, и, должно быть, час еще не слишком поздний. Хорошо, когда просыпаешься сам, а не мать будит тебя.

Еще полный сонной неги, он перевернулся с боку на бок. В матрасе под ним зашуршали сухие обертки кукурузных початков. Под окном буйно прогорланил петух.

– Горлань, горлань, – сказал Джоди. – Еще посмотри, как ты вытащишь меня из постели.

Яркие полосы на востоке ширились, сливались в одно целое. Вот над вершинами сосен разлилось золотистое сияние, а там показалось и само солнце – большая медная сковорода, повисшая среди ветвей. Потянуло ветерком, как будто свет, прибывая, потеснил воздух с потревоженного восточного горизонта. Колыхнулись в глубину комнаты занавески из мешковины. Дуновение достигло кровати и коснулось мальчика прохладной мягкостью чистого меха. Некоторое время он лежал, мучительно колеблясь между негой сна и наступающим днем. Затем соскочил с кровати – и вот он уже стоит на оленьей шкуре, и штаны его, оказывается, под рукой, и рубашка чудом не вывернута наизнанку; он влезает в них, и вот он уже одет, и нет больше сонливости, а только день и запах горячих лепешек с кухни.

– Здравствуй, ма, – сказал он с порога. – Ой, как я люблю тебя, ма!

– Все вы меня любите, и ты, и собаки, и вся прочая животина, – ответила она. – Особенно на пустое брюхо, когда я выхожу с миской в руках.

– Ну да, ты тогда знаешь какая красивая! – ухмыльнулся Джоди.

Посвистывая, подошел он к умывальнику, зачерпнул воды из деревянной бадьи, наполнил таз. Решив обойтись без едкого щелочного мыла, он пополоскал в воде лицо и руки, смочил волосы, расчесал их пятерней и пригладил. Затем снял со стены маленькое зеркало и с минуту изучал себя.

– Я страшный урод, ма, – сказал он.

– А пригожих среди Бэкстеров и не бывало, сколько ведется их род.

Не отрываясь от зеркала, он наморщил нос, и веснушки на переносице сползли в сплошное пятно.

– Вот ежели б я был черный, как Форрестеры.

– Ты радоваться должен, что на них не похож. Они черны лицом, черны сердцем. Ты Бэкстер, а все Бэкстеры светлые.

– Ты говоришь так, будто я тебе не родной.

– Моя родня тоже вся светлая. Только вот худосочных среди них нет. Тебе бы научиться работать – и будешь вылитый отец.

Из зеркала на него глядело маленькое лицо с высокими скулами, бледное и веснушчатое, но здоровое цветом, как мелкий песок. А вот волосы, когда случалось идти в церковь или на праздники в Волюзию, доставляли ему немалое огорчение. Они были соломенно-желтые, всклокоченные, и как бы старательно отец ни подстригал их раз в месяц, в ближайшее к полнолунию воскресное утро, сзади они всегда росли космами. Мать называла их утиными хвостами. Глаза у него были большие, голубые. Когда он хмурился, углубившись в свою хрестоматию, или рассматривал что-нибудь интересное, они суживались. Только в такие минуты мать признавала, что в нем течет ее кровь.

– Он и впрямь похож чуток на Элверсов, – говорила она.

Джоди повернул зеркало и начал разглядывать уши, причем вовсе не с целью убедиться, чисты ли они. Просто вспомнилось, как больно ему было в тот день, когда Лем Форрестер взял его одной ручищей за подбородок, а другой стал драть за ухо.

«Уши у тебя торчкастые, как у опоссума, парень», – сказал Лем.

Джоди показал себе язык и водворил зеркало на стену.

– Нам непременно ждать отца к завтраку? – спросил он.

– Непременно. Поставь все тебе под нос, так, глядишь, и ему не останется.

Он застыл в нерешительности у задней двери.

– Только не вздумай улизнуть. Он только до кукурузного амбара и обратно.

С юга, из-за дубов, донесся гулкий, как набат, лай старой Джулии; она была чем-то взбуждена. Потом послышался голос отца, он что-то приказывал ей. Джоди сорвался с места, не дожидаясь, пока резкий окрик матери остановит его. Она тоже услышала лай, подбежала к двери и крикнула ему вслед:

– Не очень-то носитесь с отцом за глупой собакой! Я вовсе не хочу сидеть как дура перед готовым завтраком, пока вы будете гонять по лесу.

Ни Джулии, ни отца больше не было слышно. Мальчика обуял неистовый страх, что тревога уже улеглась, дерзкий враг, вторгшийся в их владения, скрылся, а за ним следом исчез и отец с собакой. Он с треском ломился сквозь дубовую поросль к тому месту, откуда слышались звуки. Голос отца прозвучал совсем близко:

– Спокойно, сын. Что сделано, от тебя не убежит.

Джоди резко остановился. Вот Джулия, она стоит на месте и вся дрожит, но не от страха, а от возбуждения. Отец стоит тут же, глядя на помятое, искромсанное тело черной Бетси, их племенной свиньи.

– Он точно слышал, как я подзадоривал его, – сказал Пенни. – Смотри хорошенько, мальчуган. И постарайся увидеть то, что вижу я.

От вида растерзанной свиньи туши Джоди поташнивало. Взгляд отца был устремлен куда-то мимо трупа животного. В ту же сторону, подняв острый нос, смотрела и старая Джулия. Джоди сделал несколько шагов, разглядывая песок. В принадлежности следов ошибиться было невозможно. Кровь прихлынула к его лицу. Это были следы гигантского медведя. И на отпечатке правой передней лапы, большущей, чуть ли не с тульёю шляпы, недоставало одного пальца.

– Старый Топтыга!

Пенни кивнул.

– Я рад, что ты запомнил его след.

Они вместе наклонились к земле, изучая отпечатки и определяя, в каком направлении они приходят и уходят.

– Это нельзя назвать иначе, как перенесение военных действий на территорию противника, – сказал Пенни.

– И никто из собак не залаял на него, па. Разве что я проспал и не слышал.

– Нет, никто не залаял. Ветер был за него. Будь спокоен, он знал, что делает. Он прокрался, точно тень, сделал свое черное дело и убрался еще до рассвета.

Холодок пробежал по спине Джоди. Ему явственно представилась эта тень, огромная и черная, словно движущийся сарай, как она крадется между дубами и одним взмахом большущей когтистой лапы сгребает кроткую спящую свинью. Затем белые клыки с хрястом вонзаются в спинной хребет, в теплую трепетную плоть. Бетси даже не успела завизжать, позвать на помощь.

– Теперь он сыт, – сказал Пенни. – Он и съел-то всего ничего, сколько мог в рот набрать. Медведь, у него после зимней спячки сморщен желудок, вот почему я ненавижу медведей. Взять, к примеру, другого какого зверя – он убивает и ест, сколько ему надо, и в этом он, совсем

как мы, борется за жизнь как может. Другое дело тварь или человек, который шkodит, абы шkodить... Взгляни только на морду медведя – и сразу увидишь, что он не знает пощады.

– Мы захватим с собой Бетси?

– Мясо изодрано в клочки, но для колбасы сойдет. И жир тоже.

Хотя Джоди понимал, что ему полагалось бы расстроиться, он был возбужден, и только. Вероломное убийство в священных пределах рощи означало, что огромный медведь, который вот уже пять лет уходил безнаказанным от владельцев скота в округе, стал их личным врагом. Джоди не терпелось ринуться вдогонку. Вместе с тем он признавался себе, что чуточку боится. Топтыга совершил свое разбойное нападение возле самого дома.

Они взяли свинью за задние ноги – Джоди с одной стороны, отец с другой – и потащили к дому. Джулия нехотя следовала за ними. Старая собака-медвежатница не могла понять, почему они тотчас не пустились в погоню.

– Ей-богу, мне страшно идти с такой вестью к матери, – сказал Пенни.

– Да уж, она осерчает не на шутку, – согласился Джоди.

– Бетси была замечательной маткой. Просто замечательной.

Матушка Бэкстер ждала их у ворот.

– Я-то все звала и звала вас, – начала она. – Чего вы там закопались?... Господи боже, о господи боже! Моя свинка! Моя свинка!

Она всплеснула руками. Пенни и Джоди прошли в ворота и направились на задворки. Мать следовала за ними, причитая.

– Подвесим тушу на перекладине, сын, – сказал Пенни. – Чтоб не достали собаки.

– Скажите же мне, – продолжала матушка Бэкстер, – скажите же мне хотя бы, как могло статься, что ее убили, растерзали на клочки прямо у меня под носом?

– Это сделал Топтыга, ма, – ответил Джоди. – Следы его, это точно.

– А собаки-то, собаки были дома и спали?

Все три собаки были уже тут как тут и принялись к свежему запаху крови. Она бросила в них палкой.

– Ах вы, негодные твари! Едите наш хлеб и позволяете такое!

– Еще не родилось собаки ловчее этого медведя, – сказал Пенни.

– Ну хоть бы залаяли!

Она бросила в них еще палку, и собаки понуро пошли прочь.

Наконец всем семейством они направились к дому. Джоди под шумок сразу прошмыгнул на кухню: запах еды был невыносим. Но никакое расстройство не могло помешать матушке Бэкстер следить за тем, что делает сын.

– Ну-ка, назад! – окликнула она его. – Отмой сперва свои грязные руки.

Он присоединился к отцу у лотка для умывания. Завтрак ждал на столе. Матушка Бэкстер сидела, горестно покачиваясь всем телом, и не притрагивалась к еде. Джоди навалил себе полную тарелку. На завтрак была каша из кукурузной сечки с подливкой, горячие оладьи, пахтанье.

– Ну хоть теперь поедим сколько-то мяса, – сказал он.

Мать круто повернулась к нему:

– Теперь-то поедим, а зиму без мяса сидеть будем.

– Я выпрошу у Форрестеров свинью, – сказал Пенни.

– Ну да, и будешь в долгу перед этими негодьями. – Мать снова запричитала: – Проклятый медведь!.. Я бы ему показала!

– Я скажу ему это при встрече, – незлобно вставил Пенни, не переставая набивать желудок.

Джоди громко расхохотался.

– Чего еще от вас ждать, – сказала она. – Только бы потешаться надо мной.

Джоди потрепал ее по руке.

– Я просто подумал, ма, как бы это выглядело – ты сцепившись с Топтыжкой.

– Бьюсь об заклад, мать победила бы, – сказал Пенни.

– Никто, кроме меня, не принимает жизнь всерьез, – пожаловалась она.

Глава четвертая

Пенни отодвинул тарелку и встал из-за стола.

– Ну что ж, сын, дневной урок ждет нас.

У Джоди упало сердце. Опять мотыжить...

– Сегодня мы, очень даже может статься, достанем этого медведя.

Снова выглянуло солнце.

– Сходи за моей сумкой для дробы и пороховым рогом. И рог с трутом тоже принеси.

Джоди вприпрыжку побежал исполнять приказание отца.

– Ишь запрыгал, – сказала мать. – Как мотыжить, так улитка улиткой, а скажи: «Пойдем на охоту», так враз станет юркий, что твой угорь.

Она достала из кухонного шкафа одну из немногих банок варенья, которые у нее еще оставались, намазала вареньем не съеденные за завтраком оладьи, завязала их в узелок и положила в котомку Пенни. Потом собрала остатки лепешки из сладкого картофеля, отложила кусок для себя и, завернув их долю в бумагу, отправила туда же. Она еще раз взглянула на кусок, который приберегла для себя, и решительным движением сунула его в мешок.

– Не ахти какой обед, – сказала она. – Да и вы, может, скоро будете обратно.

– Не ищи нас, заявимся сами, – сказал Пенни. – Да и не бывало такого, чтобы человек помер с голоду в один день.

– Послушать Джоди, – ответила она, – так он помирает с голоду уже час спустя после завтрака.

Пенни закинул за плечо котомку и рог с трутом.

– Возьми большой нож, Джоди, и поди отрежь лоскут мяса побольше с хвоста аллигатора.

Мясо, закопченное на корм собакам, висело в коптильне. Джоди подбежал к тяжелой деревянной двери и распахнул ее. В коптильне было сумрачно и прохладно, пахло копченой свининой, пол и стены запорошены золой от сгоревшего орешника. Балки, утыканые гвоздями с квадратной головкой, служившими для подвешивания мяса, были теперь почти совсем пусты; лишь три тощих, сморщенных окорока да два куса грудинки висели на них. Рядом с копченым мясом аллигатора свисала вяленая оленья нога. Старый Топтыга произвел в хозяйстве форменное опустошение. К осени Бетси наполнила бы коптильню своим пухлым потомством. Джоди отсек ножом кусок мяса аллигатора. Оно было сухое, но нежное. Он коснулся его языком. Мясо было приятно солоноватое на вкус. Он вернулся на двор к отцу.

При виде старой, заряжаемой с дула шомполки Джулия залилась радостным лаем. Рвун выскочил из-под дома и присоединился к ней. Резвуха глупо махала хвостом, ничего не понимая. Пенни по очереди похлопал собак.

– Посмотрим, какие вы будете резвые к концу дня, – сказал он. – А ты, мальчуган, надевай-ка лучше башмаки. Дорога будет негладкой.

Всякая отсрочка была невыносима. Джоди бросился к себе в комнату, вытащил из-под кровати тяжелые башмаки из воловьей кожи, сунул в них ноги и сломя голову побежал за отцом, словно вся охота могла пройти и закончиться до того, как он догонит его. Старая Джулия вприпрыжку бежала впереди, уткнувшись длинным носом в медвежий след.

– А след не остынет, па? Ты не боишься, что он уйдет слишком далеко и мы не сможем его догнать?

– Пускай уходит, мы догоним его наверняка, ежели не станем тревожить его раньше времени и дадим ему залечь. Медведь, когда слышит за собой погоню, бежит куда шибче, чем ежели он думает, что может спокойно шастать и кормиться в своих угодьях.

След шел дубняком на юг. Крупные комковатые отпечатки медвежьих лап четким узором прорисовывались на песке, еще влажном после вчерашнего дождя.

– Ну и здорова лапа, бочка, а не лапа, – сказал Пенни.

Дубы кончились внезапно, словно их сеяли вручную и в мешке больше не оказалось семян. За ними начиналась низина, поросшая крупными соснами.

– А какой он величины, па? Большой?

– Большой. Он еще не в своем весе, желудок-то у него после спячки спавшись и пустой. А ты погляди на след. След изрядный, весь он в нем виден. А еще, примечай, он сзади поглубже будет. И олений след тоже такой бывает. Что олень, что медведь, когда жирный да тяжелый, так вот и ступает с провалом. Легонькая олениха или там годовалый олешек идут ровно на цыпочках, только передок копытец у них и увидишь. Ну, а этот – будь спокоен – большущий.

– А ты не забоишься, когда мы с ним повстречаемся, па?

– Нет, если только не стрясется чего-нибудь неладного. За кого я боюсь, так это за собак. Им, бедолажкам, всегда больше всех достается.

В глазах Пенни сверкнул огонек.

– Ну, а ты-то не забоишься, сын?

– Нет! – Джоди подумал с минуту. – Ну, а если вдруг забоюсь, можно мне влезть на дерево?

Пенни коротко хмыкнул:

– Можно, сын. Если даже не забоишься, оттуда удобно наблюдать свару.

Они продолжали идти молча. Старая Джулия уверенно продвигалась вперед. Бульдог Рвун послушно шел ее следом, принюхиваясь, где принюхивалась она, останавливаясь, когда она в нерешительности замирала на месте. Она громко отфыркивалась, когда травинки щекотали ее нежный нос. А Резвуха делала стремительные броски то в одну, то в другую сторону, а раз даже очертя голову погналась за кроликом, порскнувшим у нее из-под носа. Джоди попробовал подсвистать ее назад.

– Пускай бежит себе, сын, – сказал Пенни. – Она вернется, как только сообразит, что осталась одна.

Джулия тоненько заскулила и поглядела на них через плечо.

– Старый хитрец взял в сторону, – сказал Пенни. – Похоже, двинулся к мочажинам, туда, где пила-трава. Коли так, может, повезет взять его скрадом.

Джоди приоткрывался секрет охотничьего искусства отца. Форрестеры, подумал он, ринулись бы за Топтыгой в ту же минуту, как обнаружили его жертву. Они бы кричали и горланили во всю глотку; свора, науськиваемая хозяевами, огласила бы лаем весь скраб, и сторожкий старый медведь был бы задолго предупрежден об их приближении. Отец, маленький человек, был вдесятеро удачливее на охоте и повсеместно этим знаменит.

– Ты можешь наперед рассчитать, что сделает зверь, – сказал Джоди.

– Так поневоле приходится рассчитывать. Дикий зверь быстрее человека да и сильнее намного. Что есть у человека, а у медведя нет? Чуток побольше соображения. Человек не может обогнать медведя, но грош ему цена, коли он не может обхитрить его.

Сосновая чаща постепенно редет, выклинивается. Неожиданно открывается полоса субтропического леса – хэммок – местечко, поросшее живыми дубами и пальмами. Подлесок здесь густой, переплетенный колючим терновником. Но вот кончился и хэммок, и на юге и западе распахнулось широкое открытое пространство, с первого взгляда напоминающее луговину. Это и была пила-трава. Она росла в мелкой, по колено, воде, и ее жесткие, зазубренные листья смыкались так плотно, что, казалось, перед тобой сплошная стена растительности. Джулия с всплеском нырнула в нее. Пошедшая по воде рябь обозначила мочагу. Над открытым простором потянуло ветерком, заросли пила-травы зазыбились, раздались, обнаружив еще с десятков мочаг. Пенни не спускал глаз с собаки. Здесь, на безлесье, Джоди волновался больше, чем в тенистом лесу. В любой момент перед ними могла вздыбиться огромная черная фигура.

– Пойдем в обход? – тихо прошептал он.

Пенни отрицательно покачал головой.

– Ветер не с той стороны. Да что-то и непохоже, чтобы он прошел здесь насквозь.

Собака с плеском бежала по зигзагообразному следу, который шел по кромке твердой почвы, смыкавшейся с зарослями пилы-травы. Местами запах терялся в воде. Один раз она нагнула голову к воде и стала лакать ее – не для того, чтобы утолить жажду, а чтобы определить след на вкус. Затем уверенно направилась к середине мочаги. Резвуха и Рвун попробовали было сунуться за ней, но их короткие ноги слишком глубоко увязали в грязи; они отступили на местечко повыше и, отряхнувшись, с напряженным вниманием следили за Джулией. Рвун коротко взлаял, и Пенни шлепнул его, чтобы молчал. Джоди осторожно ступил в мочагу вслед за отцом. Он испуганно вздрогнул, когда низко над ним, ничем не предупредив о своем появлении, пролетела цапля. Вода на мгновение облегла холодом его ноги, штанины облипли на щиколотках, башмаки засосало в жидкую грязь. Затем вода стала приятной, и хорошо было брести в прохладной влаге, оставляя за собой водовороты взмученного песка.

– Обьедает молочаи, – пробормотал Пенни, показывая на плоские стреловидные листья. Одни были с неровным следом зубов по краям, другие начисто скушены со стебля. – Это он укрепляет себя по весне. Медведь, он как встанет весной из берлоги, так первым делом идет искать молочай. – Пенни наклонился к самой земле и потрогал лист с рваным краем, окрашенным в коричневый цвет. – Будь я неладен, ежели он не был тут прошлой ночью. То-то у него разыгрался аппетит, и он оттяпал кусочек от бедной Бетси.

Джулия тоже приостановилась. Запах лип теперь не к земле, а к стеблям тростника и травы, по которым прошла пахучая шерсть. Джулия уткнулась длинным носом в тростник, постояла, уставившись взглядом в пространство, затем, убедившись, что направление определено верно, резвым шагом захлюпала на юг. Пенни говорил теперь в полный голос:

– Он кормился тут. Старая Джулия говорит, с этого места он отправился домой.

Не выпуская собаку из виду, Пенни перешел туда, где повыше. Он шел быстро, не переставая разговаривать на ходу:

– Не раз мне случалось видеть, как медведь пасется на молочае при луне. Он фырчит и топчется на месте, плещется и ворчит. Он, совсем как человек, срывает листья со стеблей и запихивает их в свое поганое грызло. Потом он поводит носом в воздухе и хамкает, как собака, траву. А над ним кричат ночные птицы, гавкают, точно собаки, лягушки-быки, дикие утки выкликают: «Змея! Змея!» – и капли воды на листьях молочая ярко горят и светятся красным, точно глаза козодоя...

Слушать Пенни было все равно что своими глазами видеть то, о чем он рассказывает.

– Ой, как мне хочется увидеть медведя на такой кормежке, па!

– Вот поживешь с мое, так увидишь и это, и еще много всяких диковин.

– А ты стрелял их на кормежке, па?

– Я воздерживался от выстрела, сын, с меня хватало и того, что я много раз видел, как животное кормится, не причиняя никому вреда. Не по нутру мне стрелять в такое время или еще в брачную пору. Иногда, конечно, чтобы добыть мяса или когда мы голодаем, я иду на рекорд себе. Но ты, когда вырастешь, не будь таким, как Форрестеры: они убивают больше, чем им нужно, убивают так просто, забавы ради. А это дурно, совсем по-медвежьи. Ты слышишь?

– Да, папа.

Старая Джулия пронзительно твякнула. След под прямым углом повернул на восток.

– Вот этого-то я и боялся, – сказал Пенни. – Лавр...

Заросли красного лавра казались непролазными. Внезапно меняющаяся местность служила тут хорошим укрытием для зверей. При всей беззаботности, с какой он кормился, Топтыга никогда не уходил слишком далеко от убежища. Деревца лавра стояли тесно, словно колья частокола. Удивительно, подумал Джоди, как только медведь протиснулся здесь своей тушей. Но чащоба местами прореживалась или состояла из молодых, податливых деревьев, и в ней

отчетливо обозначалась тропа. Ею пользовались и другие животные. Их следы сплетались и пересекались. Дикая кошка преследовала оленя, за нею кралась рысь, и повсюду виднелись отпечатки лап животных помельче: енотов и кроликов, опоссумов и скунсов, с опаской добывавших себе пищу в сторонке от их хищных сородичей.

– Пожалуй, впору зарядить, – сказал Пенни.

Он щелкнул языком, приказывая Джулии подождать. С понимающим видом она легла на землю, Резвуха и Рвун послушно опустились рядом с нею. Пороховой рог висел у Джоди за плечом. Пенни открыл его, всыпал в дуло добрую мерку пороха, затем отщипнул в охотничьей сумке клочок сухого черного мха, забил его туда же вместо пыжа и плотно умял шомполом. После этого он засыпал дробь, добавил еще мха, вставил наконец капсюль и еще раз легонько примял заряд шомполом.

– Все в порядке, Джулия. Ату его!

До этой минуты преследование было словно праздной забавой, не охотой, а скорее прогулкой в свое удовольствие. А теперь над головой у них сомкнулись сумрачные заросли лавра, из чащобы с пугающим хлопаньем крыльев вылетали красноглазые тауи, земля была черная и рыхлая, в кустах по обе стороны тропы беспрестанно слышались какие-то шорохи, снование чьих-то лап. Время от времени там, где деревья расступались, на тропу падал сноп солнечного света. Собаки не теряли следа, хотя по тропе в обоих направлениях проходило бесчисленное множество животных: медвежий дух густо висел в лиственном туннеле. Но вот короткая шерсть на спине бульдога вздыбилась. Джулия бросилась вперед. Пенни и Джоди, пригнувшись, побежали за ней. Пенни перебросил шомполку в правую руку и держал ее чуть наклонно, так, чтобы случайным выстрелом не задеть бегущих впереди собак, если вдруг он запнется и ружье разрядится. Позади хрустнула ветка. Джоди судорожно вцепился в рубаху отца. Белка, вереща, улепетывала прочь.

Чаща поредела. Местность понизилась, стала топкой. Солнечный свет падал на землю пятнами с корзину величиной. Тут росли гигантские папоротники, приходившиеся им выше головы. Один был сломан наскочившим на него медведем. Молодой усик на папоротнике распрямлялся, вновь занимая вертикальное положение. Пенни указал на него, и Джоди понял, что Топтыга прошел здесь всего несколько минут назад. Старая Джулия дрожала как в лихорадке. Тропа дурманила ее своими запахами. Собака чуть ли не бороздила носом влажную землю. Перед нею летела сойка, предостерегая обитателей зарослей. «Плик-ап-во-о-о...»

Болото сваливалось к бегучему ручейку, который был никак не шире столба для изгороди. Отпечатки комковатой лапы переступали с одного берега на другой. Водяной щитомордник с любопытством поднял голову из воды и плавными коричневыми спиралями заструился вниз по течению. По ту сторону ручья росли пальмы. Звериная тропа шла дальше через болото. Джоди заметил, что рубашка на спине отца взмокла. Он тронул рукав собственной рубашки. Рукав был насквозь мокрый. Джулия вдруг подала голос, и отец пустился бегом.

– Река! – закричал Пенни. – Он хочет к реке!

Болото наполнилось шумом. Трещали молодые деревца. Медведь черным ураганом сокрушал препятствия на своем пути. Собаки безудержно лаяли. У Джоди гудело в ушах, и это был гул ударов его собственного сердца. Он зацепился за плеть смилакса, растянулся во весь рост, но тут же вскочил. Короткие ноги Пенни мелькали перед ним, словно лопасти бешено работающих весел. Топтыга поспевал к Можжевеловой реке раньше, чем собаки могли остановить его.

На берегу речки открылся просвет. Джоди увидел, как что-то огромное, черное и бесформенное ринулось в него. Пенни остановился, вскинул ружье. В тот же момент что-то коричневым метеором метнулось в косматую голову зверя: Джулия настигла врага. Она прыгала, отскакивала, и, едва отскочив, налетала снова. Рвун бросился ей на подмогу. Топтыга круто

повернулся и с размаху хватил его лапой. Джулия вцепилась медведю в бок. Пенни выжидал. Стрелять было нельзя. Слишком велик был риск попасть в собак.

Топтыга неожиданно напустил на себя обманчиво безразличный вид. Казалось, он стоит в недоумении, неповоротливый, нерешительный, тихонько раскачиваясь взад и вперед. Он издал жалобный звук, словно хнычущий ребенок. Собаки на мгновение попятнулись. Момент для выстрела был самый подходящий. Пенни вскинул ружье к плечу, взял на мушку левую щеку медведя и нажал на спуск. Послышался безобидный щелчок. Пенни взвел курок и снова потянул за спуск. На лбу у него выступил пот. Курок снова щелкнул безрезультатно. И тут грянула черная буря. С невероятной быстротой и ревом она обрушилась на собак.словно прочерки молний, мелькали белые клыки, изогнутые когти. Медведь рычал, кружился, как смерч, скрежетал зубами и разил плеча во все стороны. Собаки не уступали ему в проворстве. Джулия делала стремительные выпады с тыла, и, когда Топтыга оборачивался, норовя сгрести ее лапой, Рвун кидался под самую его волосатую глотку.

Джоди оцепенел от страха. Он видел, как отец снова взвел курок и теперь стоит полусогнувшись, лихорадочно облизывая губы, теребя пальцами спусковой крючок. Джулия впиалась медведю в правый бок. Тот круто развернулся на месте, но не в ее сторону, а к бульдогу, который был от него слева. Он подцепил его сбоку лапой и швырнул вверх тормашками в кусты. Пенни снова нажал на спуск. Раздался хлопок, за ним какой-то шипящий звук, и Пенни навзничь упал на землю. Ружье разрядилось через казенную часть.

Рвун возобновил попытки повиснуть у медведя на глотке, а Джулия вновь принялась теребить его с тыла. Медведь опять был вынужден обороняться и стоял на месте, покачиваясь. Джоди бросился к отцу. Пенни уже встал на ноги. Правая половина его лица была черна от пороха. Топтыга стряхнул с себя Рвуна, резко повернулся к Джулии и, сграбастав ее своей когтистой горстью, притиснул к груди. Она пронзительно завизжала. Рвун бросился на него сзади и вцепился зубами в его шкуру.

– Он убьет Джулию! – закричал Джоди.

Не помня себя, Пенни ринулся в гущу свары и всадил дуло ружья медведю под ребра. Джулия, несмотря на боль, крепко держала зубами черную глотку у себя над головой. Топтыга зарычал, потом вдруг повернул, сбежал по берегу к реке и кинулся на самую глыбь. Собаки не отпускали его. Топтыга бешено заработал лапами. От Джулии одна лишь голова виднелась над водой, под самой медвежьей мордой. Рвун бесстрашно восседал на широкой черной спине. Топтыга переплыл реку и стал взбираться на берег. Джулия разомкнула челюсти и мякло шлепнулась на землю. Медведь кинулся к густой чаще леса. Рвун повисел еще немного на звере, затем, обескураженный, скатился с него и с нерешительным видом вернулся к реке. Он обнюхал Джулию, сел на задние лапы и завыл. Какое-то время в дальнем подлеске на том берегу слышался треск, потом все стихло.

– Эй, ко мне, Рвун! Ко мне, Джулия! – позвал Пенни.

Рвун помахал хвостом-обрубком, но не пошевелился. Пенни приложил к губам охотничий рожок и издал ласкающий звук. Джулия посунулась вперед, пытаясь подняться, но тут же сникла.

– Придется забрать ее, – сказал Пенни.

Он сбросил башмаки, соскользнул с берега в воду и энергично заработал руками. В нескольких ярдах от берега течение завладело им, словно щепкой, и с бешеной скоростью потащило за собой. Он боролся с ним за каждый фут. Джоди видел, как Пенни, шатаясь, выбрался на берег далеко вниз по реке, обтер глаза и побрел обратно по берегу к собакам. Он наклонился, осматривая Джулию, потом взял ее под мышку. Прежде чем переправляться обратно, он прошел некоторое расстояние вверх по реке. Когда он вошел в воду и поплыл, гребя лишь одной свободной рукой, течение подхватило его и вынесло почти к тому месту, где стоял Джоди. Рвун

приплыл за ним следом, выбрался на берег, встряхнулся. Пенни бережно опустил Джулию на землю.

– Она сильно покалечена, – сказал он.

Он снял рубашку, положил в нее собаку и, связав рукава, взвалил ношу на спину.

– Больше так продолжаться не может, – сказал он. – Я должен раздобыть себе новое ружье.

Пороховой ожог на его щеке уже вздулся волдырем.

– А что в нем не ладится, па?

– Да чуть ли не все. Курок вихляется на валке. Я это знал. Последнее время мне приходилось взводить его по два-три раза подряд. Но уж коли ружье разряжается через казенную часть, это значит, сдала спусковая пружина. Ну ладно, пойдем. Возьми это чертово ружье.

Они тронулись по болоту в обратный путь. Пенни взял направление на северо-восток.

– Теперь я не успокоюсь, пока не достану этого медведя, – сказал он. – Нужно только новое ружье – и время.

Джоди вдруг почувствовал, что не вынесет больше вида обмяклого узла у себя перед глазами. По тощей голой спине отца тоненькими струйками сбегала кровь.

– Дай я пойду впереди, па.

Пенни повернулся и внимательно поглядел на него.

– Только не вздумай упасть в обморок, этого мне еще не хватало.

– Я буду прокладывать тебе след.

– Ладно. Иди впереди. Только вот что еще, Джоди, – возьми котомку. Достань себе немного хлеба. Поешь немного, мальчуган. Тебе сразу станет лучше.

Джоди не глядя запустил руку в котомку и вытащил узелок с оладьями. Варенье из ежевики терпкой прохладой растеклось по языку. Было до того вкусно, что ему даже стало стыдно за себя. Он, не разжевывая, проглотил несколько оладий и несколько штук дал отцу.

– Великое утешение еда, – сказал Пенни.

Из кустов донесся жалобный визг. Какая-то маленькая съезженная фигурка следовала за ними. Это была Резвуха. Джоди яростно пнул ее ногой.

– Пусть ее, – сказал Пенни. – Она и раньше не внушала мне доверия. Собаки, они или от рождения медвежатницы, или не медвежатницы вовсе.

Резвуха пристроилась в хвост процессии. Джоди попробовал расчищать путь, но стволы упавших деревьев были толще его самого и не поддавались усилиям сдвинуть их с места. Плети бычьего терновника, не уступавшие в жесткости мускулам отца, хватали за ноги, и их надо было либо обходить, либо пролезать под ними. Так что Пенни с ношей был вынужден осиливать болото без его помощи. На болоте было душно и сыро. Рвун дышал часто и тяжело. Оладьи приятной тяжестью лежали в желудке Джоди. Он нашарил в котомке лепешку из сладкого картофеля. Отец отказался от своей доли, и Джоди разделил ее с Рвуном. Резвуха, на его взгляд, ничего не заслужила.

Хорошо было выбраться наконец из болота и войти в просторный сосновый лес. Даже скраб, тянувшийся за ним на протяжении одной или двух миль, казался легкопроходимым. Пробираться среди низких карликовых дубов, пальм, голого падуба и деревьев ти-ти было не так трудно, как идти по болоту. Уже совсем под вечер впереди замаячили высокие сосны Острова Бэкстеров. Маленькая процессия прошествовала по песчаной дороге с востока и вступила на росчисть. Рвун и Резвуха побежали вперед к кипарисовой колоде, из которой поили кур. Матушка Бэкстер, слегка покачиваясь, сидела на узенькой веранде с горкой штопки на коленях.

– Ну что, собака убита, а медведя нет как нет? – крикнула она им навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.